

например, этнических и социальных факторов, а также сравнение влияния гендерной и профессиональной принадлежности.

И.М. Городецкая (Казань) провела анализ ценностно-мотивационной структуры личности руководителей современных предприятий, подчеркнув, что большинство из них (71%) характеризуется мотивацией избегания неудачи. **О.В. Филатова** (Владимир) рассмотрена рефлексия как один из ведущих механизмов в сфере самоконтроля, саморегуляции и самореализации личности представителей малого и среднего бизнеса. **В.Н. Недашковский** (Москва) подчеркнул, что взаимоотношения имеют структуру и динамику, задаваемую своеобразием ролей, которое создается тремя факторами: 1) наличием конвенциональных или социальных ролей (начальник, подчиненный, мать, отец, ребенок); 2) наличием личностных ролей (заботливый, ленивый, избегающий); 3) совмещением двух и более ролей. **Е.Р. Артамонова** (Владимир) охарактеризовала подход П.П. Блонского к проблеме отношений возрастной динамики становления личности, особо подчеркнув роль меняющихся форм общения в процессе игры, а также в ходе становления мыслительных процессов. **М.В. Базиков** (Москва) проанализировал оценки А.Н. Острогорского статуса отношений в педагогической деятельности, отметив значимость психологических наработок.

Н.Ю. Литвинова (Владимир) выделила совокупность общих (самостоятельность, инициативность, познавательную активность, дисциплинированность, общительность) и специфических способностей студентов к овладению иностранным языком.

Л.М. Фурман (Владимир) охарактеризовала специфику отношений в практике журналистской работы.

Конференция показала, что психологическая наука в регионах заметно повышает свой уровень в плане поиска новых тем, их всесторонней проработки и – что особенно важно – внедрения результатов в разные области социальной практики.

Заклячая конференцию, ее председатель **В.А. Зобков** подчеркнул, что методологические обсуждения и даже “сшибки” позволили представить категорию “отношение” как релевантный и полноценный теоретический инструмент, применимый практически на всех этапах психологических исследований. Он призвал крепить отношения между психологами в ходе их обсуждения и внедрения результатов.

В резолюции конференции отмечалась высокая продуктивность ее работы и полноценное использование потенциала отношений. Было принято предложение сконцентрировать исследования проблематики психологии отношений в ВГПУ, а соответствующие конференции проводить периодически. Особо отмечалась значимость экономико-психологических исследований, и, в частности, динамики занятости и безработицы. Было предложено предоставить соответствующие информацию и рекомендации как психологическим исследовательским центрам, так и административным органам и деловым кругам.

Конференция подтвердила, что психологическая наука в регионах все в большей мере является источником новых исследовательских проектов и научных инициатив.

С.А. Цветков,
канд. психол наук,
Владимир

НАУЧНОЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ЗНАЧЕНИЯ РЕФЛЕКСИВНОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ

Круглый стол прошел в Институте психологии РАН в рамках нового междисциплинарного ежемесячного семинара “Рефлексивные процессы и управление”. В его работе приняли участие более 70 исследователей (психологи, философы, социологи, политологи, математики, управленцы и др.). Открывая заседание, **В.Е. Лепский** (ИП РАН) подчеркнул: в научном плане основные направления исследований рефлексивных процессов связаны со сменой каузального подхода телеологическим, с междисциплинарной интеграцией при построении новых парадигм и средств моделирования и поддержки разного рода социальных субъектов и образований. Необходимо избавляться от “бес-субъектности” в системах социального управле-

ния и развития, разрабатывать принципиально новые технологии и системы поддержки индивидуальных и групповых субъектов деятельности. Нужно также увязывать эти процессы со сменой доминанты “знаний” в образовании на доминанту развития рефлексивных способностей учащихся.

Сегодня четко осознается и кризис традиционных подходов к проектированию и управлению сложными (прежде всего – социальными) системами. На передний план выходят субъекты с их конкретными мирами, которые необходимо поддерживать в гармонии, используя нормативные представления и модели. В частности и поэтому

сегодня особо востребован рефлексивный подход. Резко возросла его роль в психологии, чему способствует также развитие субъектно-деятельностной концепции, интерпретация работ С.Л. Рубинштейна, — ведущая ориентация Института психологии РАН.

“Прорывные” направления в использовании рефлексивного подхода на практике таковы: поддержка управленческой деятельности в условиях компьютеризации (субъектно-ориентированная концепция Лепского, работы В.И. Максимова, Э.Г. Григорьева, И.П. Беляева и др.); образование (работы В.В. Давыдова, В.В. Рубцова, И.Н. Семенова, последователей Г.П. Щедровицкого и др.); психотерапевтическая практика (В.А. Петровский, В.М. Розин и др.); развитие экологической психологии (В.И. Панов и др.); информационная (информационно-психологическая) безопасность (негативные особенности политического PR, тоталитарных сект, СМИ и др.); проблематика управления обществом и его развитием.

А.В. Брушлинский (ИП РАН), опираясь на свои теоретические и экспериментальные исследования, рассмотрел некоторые аспекты проблемы рефлексии, неразрывно связанные с проблемой сознания. Он подчеркнул, что субъект — это высший уровень активности, целостности, автономности. Субъектом не рождаются, — им становится каждый человек, группа людей также может быть субъектом, — рано или поздно все человечество станет субъектом путем формирования общечеловеческих интересов, целей, задач и т.д. Сам субъект и деятельность невозможны без сознания, без рефлексии, здесь все взаимосвязано. В психологии мышления особенно четко разработаны два аспекта — личностный и процессуальный. Первый включает мотивацию, способности, в частности, целеполагание, и, наконец, именно рефлексия; второй связан с решением задач. Первый — это уровень сознания и главным образом рефлексии, например, при осознании цели, второй — бессознательный уровень. Когда рождается человеческий младенец, то у него проявляются сначала простейшие психические проявления и затем они дифференцируются на сознание, рефлексия и на бессознательное. Поэтому там, где есть рефлексия, есть и бессознательное. Эта парная категория — сознание и рефлексия, с одной стороны, и бессознательное — с другой, очень важна для того, чтобы правильно понимать и субъекта, и его деятельность. А поскольку мышление есть неразрывное единство сознательного и бессознательного, то здесь на уровне бессознательного большую роль играет интуиция. В совместной экспериментальной работе с аспиранткой Б. Есенгазиевой было показано, когда испытуемые по ходу процесса решают какую-либо мыслительную задачу и приходят к важному от-

крытию, они не могут обосновать, доказать, насколько правильно выявили новое свойство или аспект познаваемого объекта. После этого начинает разворачиваться, в первую очередь с помощью рефлексии, процесс доказательства, обоснования, аргументации. Докладчику поэтому представляются одинаково неправомерными обе крайности — недооценка рефлексии и ее переоценка, когда не учитывают роль интуиции, подсознательного, и в первую очередь, деятельности субъекта.

В.И. Панов (Психологический институт РАО) отметил: необходимо различать рефлексия как принцип познания и как принцип развития. Она также всегда предполагает расщепление, разотождествление себя с самим собой, позволяющее построить отношение к себе как к другому и тем самым создать иную форму своего бытия и иную форму самоосуществления неких универсальных принципов, например, мышления, носителем которых я являюсь как субъект рефлексивного акта. Что это способ мышления, понятно; известна позиция Н.Н. Менчинской с эмпирическим и В.В. Давыдова с теоретическим типами обобщения. Важный момент: не все и не всегда отдают себе отчет, что второй сделал на самом деле более сложную вещь — не просто изменил предметность содержания обучения, т.е. ввел в качестве предметного содержания мышление по теоретическому типу обобщения. Необходимо, чтобы сам метод присвоения восприятия и присвоения этого содержания включал бы в себя принцип рефлексии именно как принцип развития. Поэтому у Давыдова изначально как метод обучения используются групповые формы обучения, при которых класс делится на группы по четыре-пять человек, и через это создается ситуация присвоения уже субъектности индивидуальной. Меняется и позиция педагога: он уже не может работать в субъект-объектной схеме традиционного обучения, когда по определению обучение — это трансляция культурно-исторических способов человеческой деятельности от одного человека к другому, от одного поколения к другому и т.д. Учитель уже не ретранслятор, он — субъект, организующий совместно разделенную деятельность между учащимися и между собой и учащимся. Тогда уже и тип взаимодействия должен быть субъект-субъектным.

Г.Л. Смолян (Институт системного анализа РАН) подчеркнул: В.А. Лефевр и Г.П. Щедровицкий оказались настоящими оригиналами, в смысле Ницше, поскольку называли вещи, до них не названные: *рефлексивные процессы, рефлексивные структуры, рефлексивные системы*. Щедровицкий пользовался собственным графическим языком для описания рефлексивных процессов в контексте мышления как целого и пояснял преимуще-

щественно свою методологическую позицию. Лефевр, конструируя язык описания единичных объектов и действий над ними (*рефлексивные игры, рефлексивное управление*), хотя и называл эти объекты для удобства включения в контекст управления или игры "субъектами", был в большей степени, как ни странно это звучит, носителем не психологического, а кибернетического мышления с его понятиями черного ящика, системы, управления, функции, модели и т.п. Оба они замечательно рисовали человечков в квадратах, овалах и кружочках, правда, у Лефевра человечки выглядели динамичнее. Представив рефлексивное взаимодействие структур как изначально бессубъектное, Лефевр открыл предельно широкие возможности наполнения рефлексивных моделей любой уже "нелишней" для решения практических задач информацией. Это наполнение самим Лефевром было фундаментально осуществлено много позже, когда он обратился к психологическим и моральным категориям.

Есть живая и вполне успешная практика реализации рефлексивных моделей поведения, например, в следственной практике, в пиаровских акциях или в планировании военных операций, подтверждающая эвристическую силу и практическую ценность этих моделей. Но главное не в этом, а в принципиальной возможности, уточняя и обрабатывая детали, надстраивать рефлексивные многогранные и первичные изображения. При этом не хотелось бы, чтобы рефлексивное движение стало синонимом всего антитехнологичного и претендовало на роль новой научной идеологии спасения России.

В.А. Петровский (Российская Академия образования) указал на важность популяризации идей рефлексивной теории и на необходимость логико-семиотической проработки ее деталей. Важна проблема конгруэнтности символического и текстового (словесного) рядов рефлексивных построений. Есть по сути три языка рефлексивной теории В. Лефевра: формальный – язык символов, логико-математически определенных отношений между ними; метаязык и промежуточный язык. В последнем случае речь идет о языке, допускающем формализацию и находящимся "между" языком формальной теории и метаязыком. Стремление формализовать все и вся, требуя совпадения промежуточного и формального языков, было бы, разумеется, проявлением методологической паранойи. Но иногда ощущается все же избыток промежуточного ("маргинального") языка, – и это может затруднять понимание основного, формального языка. При этом популяризация теории – как это случилось с идеями гениального создателя транзактного анализа Э. Берна – может привести к свехупрощениям и оказаться разрушительной. Это касается, в частности, уточнения способов символического описания состоя-

ния рефлексивной системы и операторов осознания в связи с различием картины реальности с позиции наблюдателей внешнего и внутреннего. До сих пор не достигнута должная конгруэнтность между символами, которые используются в записях, и текстовым сопровождением этих символов.

В.М. Розин (Институт философии РАН), отвечая на вопрос, почему рефлексия начинает формироваться в контексте методологического мышления, подчеркнул, что: здесь создается особая ситуация, связанная с анализом мышления, или деятельности, или мышления как деятельности – при том, что способы изучения мышления отсутствуют. Поэтому был развернут особый тип деятельности, который предполагал жесткую критику, разбиение движения на отдельные шаги, тщательное обсуждение целей, способов работы, полученных результатов, оппонирование и т.д. Именно эта сложная работа оценивалась нами позднее как рефлексия. Отчасти подобное осмысление имело смысл, ведь мы постоянно делали предметом анализа собственную деятельность. Когда я делал доклад – мне возражали, я вынужден был учитывать различные точки зрения моих оппонентов, которые видели материал совершенно по-другому. При отсутствии правил мышления, реагируя на возражения оппонентов, обосновывая свои построения мысли, я вынужден был сам формулировать ходы и правила ее движения. В результате постепенно выстраивалась новая логика, которая была связана с особым типом мыследеятельностной работы, особым типом коммуникаций. Опыт рефлексивного движения в России показывает: нужно различать по меньшей мере три вещи. Во-первых, *контексты рефлексии*, которые различаются в разных ситуациях и для разных задач. Во-вторых, *схему рефлексии*, включающую в себя *идею отображения деятельности* в различных ее вариантах. И, наконец, *структуру рефлексивной деятельности*, которая тоже может сильно варьировать.

О.С. Анисимов (Российская академия госслужбы при Президенте РФ) описал особый феномен игрового моделирования. В 1979 г. появилась сама возможность отрефлексировать все то, что касалось не просто инструментов и отчужденного субъекта, а самого способа рефлексирования, передать, транслировать его в социокультурно более широкие профессиональные слои. И если это реально происходило в 80-е гг., то 90-е – время интенсивного распространения особого типа социокультурного и культурного заражения рефлексивностью огромных пространств. Но вместе с тем появлялись проблемы: рефлексировать хорошо, но неорганизованная рефлексия разрушает любую практику. Главное – осознать то, что профессионал на более высоком уровне не может избежать рефлексии. Надо иметь в ви-

ду, что рефлексивные механизмы и механизмы рефлексивной самоорганизации – это интегральные механизмы развития и саморазвития человека.

В.А. Марача (журнал “Кентавр”) отметил, что момент интереса к рефлексии первоначально был связан с эпистимологической проблематикой. Наиболее отработанный в европейской культуре естественно-научный тип знания применительно к обществу не срабатывает в связи с начинающимися рефлексивными парадоксами. Социальный объект “играет” с исследователем, начинает сам вырабатывать знания о себе, конкурировать со знаниями исследователя. Поэтому рефлексивно-аналитическая позиция нужна и востребована практикой общественных изменений. Нормальная общая стратегия применительно к гражданскому обществу – это внесение неких новых правил поведения с сохранением у его субъектов свободы воли. Но мы как бы имеем конкуренцию двух норм поведения: естественной и искусственной. Агент социальных изменений добивается некоторого максимального их сближения, что на языке политологии и права именуется легимитизацией. То есть он свою искусственно привносимую норму сделал легитимной и добился “стяжки”. Если перейти к терминологии конфликтующих структур Лефевра, это значит – построить устойчивое рефлексивное состояние.

Д.В. Реут (холдинг “Креон”) отметил, что распространение Интернета обострило проблему устойчивости. Мобильность каждого из включенных в сеть субъектов хозяйственной деятельности дестабилизирует ситуацию. Таковы динамичные сети. Стабильная же сеть с жестко закрепленными компонентами быстро вырождается в вертикально интегрированную функциональную систему. Сеть типа *внутренний рынок* обречена балансировать на грани экономически необоснованного протекционизма и полного растворения в окружающей среде. Создание устойчивого субъекта хозяйственной деятельности, организованного сетевым образом и способного варьировать параметры связи своих компонентов в целях максимизации сетевых преимуществ, является проблемой. Надо на практике обосновать точку зрения, при которой сохранение устойчивости сетевой организации может быть достигнуто подавлением “центробежных” рефлексивных процессов.

В.И. Максимов (Институт проблем управления РАН) описал “когнитивно-рефлексивную технологию моделирования и управления”, где рефлексия разной степени вложенности – как индивидуальная, так и коллективная – пересекаются. С помощью специальных процедур на основе субъективных представлений участников процесса принятия решений строится когнитивная карта, представляющая собой знаковый или взвешенный граф, где описаны взаимодействия фак-

торов разной природы. Дуги – это влияния этих факторов друг на друга. В эту модель вводится дискретное время, и начинают разворачиваться события: мы видим, как идет процесс в созданной нами реальности, где отобраны самые значимые факторы. Построенные модели позволяют также решать “обратную” задачу – дается ответ на вопрос: “Что будет – если...?”, но не только. При решении обратной задачи мы отвечаем на вопрос: “Что сделать, чтобы...?” и определяем, какие воздействия необходимо подать на “вход” для достижения желаемой цели. Мы их подаем и грубо попадаем в нужную нам область. Эти модели применяются для прогнозирования развития регионов, различных объектов геополитической среды, а также для решения ряда других прикладных задач.

А.А. Зенкин (Вычислительный центр РАН) остановился на рассмотрении проблем визуальной поддержки рефлексивных процессов лиц, принимающих решения (ЛПР). Если визуализирована суть проблемы, то ЛПР становится активным участником. Причем, когда визуализация выполнена на соответствующем уровне, то уровень компетентности ЛПР поднимается до уровня эксперта. И самое замечательное то, что эксперты в этой ситуации ведут себя совсем не так как раньше – при предъявлении письменных изложений своих точек зрения. Важно отметить, что на протяжении последних трехсот лет наука стала “слишком совершенной”, она стала слишком абстрактной. Именно визуальная поддержка исследователей позволит динамично разворачивать вектор развития от абстрактного мышления к живому созерцанию и обратно.

Э.П. Григорьев (Российская академия госслужбы при Президенте РФ) обобщил результаты своих исследований и разработок систем поддержки рефлексивного синтеза альтернатив в метрике “Золотого сечения”. А.М. Степанов (Институт мета-аналитических исследований) рассмотрел возможности использования гомеостатики для моделирования реактивных и рефлексивных статусов человеческой психики. И.П. Беляев (НИИ Информационных технологий) отметил значение работ Лефевра в междисциплинарном аспекте как фундамента для интеграции разнородных знаний. В.М. Капустян (НИИ Информационных технологий) указал, что до Лефевра многоэтажными символиками занимались многие исследователи, но, к сожалению, их работы сегодня не находят должного внимания. Надо серьезно браться за то, что сделал Лефевр: плодородный слой, в который он бросил свои зерна, увеличивается. Нужны по-новому осмысленные прикладные разработки.

И.Е. Задоржнюк (“Психологический журнал”) подчеркнул значение аспекта “ясности”,

который сегодня обсуждается во многих науках; в частности, в Институте философии РАН на новом междисциплинарном семинаре “Проблемы применения точных методов в гуманитарных науках” рассматривалась связанная с ним проблема строгости понятий психологической науки (А.В. Брушлинский). Усиливается внимание к “анализу” в философии (его глубокий анализ проводился недавно скончавшимся проф. А.Ф. Грязновым, МГУ им. М.В. Ломоносова), все большей популярностью пользуется английские традиции с их прояснением слов и большей ясностью. Экономическая теория сейчас строится на новых основаниях, — прекратились шаманские

“камлания” о саморегулирующей роли рынка, который якобы все охватывает и все объясняет. Установку, связанную с резким повышением доли рефлексивности, надо приветствовать.

Закрывая заседание, В.Е. Лепский также подчеркнул, что проблематика исследования рефлексивных процессов является стратегической как для развития науки, так и для решения широкого круга практических задач.

В.Е. Лепский, И.Е. Задорожнюк,
Москва

I НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ НЕГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ПО ПСИХОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ

Создание обновленной системы образования, способной подготовить учащихся к жизни в условиях глобальных и стремительных изменений, — одна из наиболее важных проблем современного общества. Дистанционное образование выступает как перспективный путь реформирования традиционного обучения и во многом успешно конкурирует с привычными образовательными моделями. Для обобщения накопленного опыта и осмысления проблем, с которыми сталкивается вузовское дистанционное образование, в Современном гуманитарном университете 26 апреля 2001 г. была проведена научно-практическая конференция негосударственных образовательных учреждений на тему “Психология обучения: научные подходы”.

Необходимость проведения конференции вполне понятна: инновационные технологии обучения, применяющиеся в некоммерческих образовательных заведениях, требуют осмысления и обсуждения их сильных и слабых сторон, анализа научных поисков в данной области педагогической психологии и их практической реализации в учебном процессе. Таким образом, негосударственное дистанционное обучение подошло к этапу углубленного теоретического и методологического обоснования своих принципов и методов.

В конференции приняли участие 73 специалиста: психологи, нейрофизиологи, педагоги, социологи, сферой интересов которых является психологическое сопровождение инновационного дистанционного образования.

Конференцию открыла директор НИИ психологии и социологии образования СГУ, канд. соц. наук Е.В. Чмыхова.

Участники конференции заслушали приветствие заместителя Министра образования РФ, доктора психол. наук В.Д. Шадрикова, подчеркнувшего роль отечественного дистанционного образования. Отмечалось, что среди значимых вопросов, требующих уточнения позиций, выделяются вопросы о том, какой смысл вкладывается сегодня в понятие “психология дистанционного обучения”, каковы основные требования к реализации идей гуманистического подхода в дистанционном обучении и основные психологические параметры эффективной учебной деятельности учащегося в виртуально-тренинговой системе дистанционного обучения.

В выступлении президента отделения образовательных технологий международной академии информатизации, доктора тех. наук, проф. М.П. Карпенко прозвучал призыв к участникам конференции обменяться мнениями, определить свои позиции, научной платформе, перспективных направлениях развития. Как ректор СГУ Карпенко обратил внимание участников конференции на актуальность проблемы эффективности обучения и качества образования в современном обществе.

Приветственное выступление председателя президиума РОСАНОУ, члена аттестационной и аккредитационной комиссии министерства образования РФ, доктора тех. наук, проф. В.А. Чобаняна ориентировало участников конференции на создание теоретических основ инновационных образовательных технологий.

Обсуждаемые на конференции проблемы можно структурировать по пяти тематическим направлениям: